

У Айхуэй

**ФРАЗЕООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООНИМОВ ТИГР И ЛОШАДЬ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
ОБРАЗНОСТЬ, СИМВОЛИКА, СЕМАНТИКА**

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Зоонимы, обладая фразеобразующим потенциалом, способствуют раскрытию этнической специфики восприятия окружающего мира. Являясь одним из символов, формирующих представление о национальной картине мира, они содержат в себе определенный культурный код, наделяющий компоненты паремий смыслообразующей значимостью. В статье представлен сопоставительный анализ китайских и русских фразеологизмов и паремий с компонентами-зоонимами 马 (*лошадь / конь*), 老虎 (*тигр*) с целью выявления символического значения образов данных животных в контексте двух лингвокультур, чем и объясняется её актуальность. Доказана взаимосвязь компонентов-зоонимов, лежащих в основе паремий, с определенными историческими закономерностями, раскрывающими специфику их трактовки. Различные методы анализа, применяемые в ходе изучения китайских и русских языковых единиц, извлеченных с помощью сплошной выборки из лексикографических источников, обеспечили возможность проведения комплексного исследования. Рассмотрены семантические характеристики фразеологизмов и дана их лингвокультурологическая интерпретация с учетом особенностей культурного фона. Анализ материала показал, что зооним 老虎 (*тигр*) – национально-маркированный символ, встречающийся в китайских устойчивых выражениях. Являясь самым частотным компонентом чэньюйев, он выступает в них символом власти, могущества, скрытого дара, нереализованного таланта и ассоциируется с опасностью и риском и представляет для китайцев особую значимость. Обнаруженная схожесть в восприятии лошади как символа благополучия, успешности и победы в мировоззрении представителей двух народов говорит о зоониме 马 (*лошадь / конь*) как об интернациональном символе.

Ключевые слова: *фразеологизм, пословица, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, зоонимы «тигр» и «лошадь»*

Wu Aihui

**PHRASE-FORMING POTENTIAL OF ZOONYMS TIGER AND HORSE
IN RUSSIAN AND CHINESE: IMAGERY, SYMBOLISM, SEMANTICS**

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. Zoonyms contribute to the discovery of the ethnic specificity of the perception of the world. They contain a certain cultural code giving meaning-forming significance to the paremia components. The article is devoted to the comparative analysis of Chinese and Russian phraseological units and paremias with zoonyms 马 (*horse*), 老虎 (*tiger*). The aim is to identify the symbolic meaning of the images of these animals in the context of two linguistic cultures. The relationship between the zoonyms that are in the base of paremias with certain historical patterns revealing the specificity of their interpretation is proven. Various methods of analysis are used to study Chinese and Russian units extracted from lexicographic sources by the method of continuous sampling and provide the opportunity to conduct a comprehensive study. The semantic characteristics of phraseological units are considered and their linguocultural interpretation is given. The analysis of the material shows the zoonym tiger is a nationally marked

symbol, found in Chinese collocations. Being the most frequent component of chengyu, it acts as a symbol of power, might, unrealized talent, it is associated with danger and risk. The discovered similarity in the perception of a horse as a symbol of prosperity, success and victory in the world view of representatives of the two peoples proves the zoonym horse is an international symbol.

Keywords: *phraseological unit, proverb, Russian linguistic culture, Chinese linguistic culture, zonyms "tiger" and "horse"*

Введение. Понятия *образ* и *символ* находятся в центре внимания исследователей в области философии, семиотики, психологии, мифопоэтики, филологии и т. п. Вопрос их соотношенности по-разному решается учеными, однако все сходятся в том, что «человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков, а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [13, с. 38]. При этом если знак, как правило, лишь указывает на определенный объект окружающего мира, то символ мотивирован общими представлениями и не может быть понят без необходимого культурного контекста. В этой связи его часто соотносят с образом, который в сознании человека наглядно отображает объекты действительности, но сам «символ олицетворяет культурный опыт целого народа, а не отдельного индивида и выступает как высшая форма знания» [20, с. 4].

Одними из таких символов, дающими представление о культурно-исторических традициях народа, считаются устойчивые единицы различных классов¹ с компонентами-зоонимами, поскольку зооморфный код в языке является базовым кодом культуры и «занимает ключевую роль в познании общества, природы и человека» [7, с. 215]. Специфика мышления людей позволяет выявлять антропоморфные, зооморфные и объективные характеристики, из которых складывается определенная картина мира, исходящая из особенностей восприятия окружающей действительности.

Паремии, включающие в свой состав компоненты-зоонимы, характеризуют восприятие мира человеком в лингвокультурном и семантическом аспекте, помогают сформировать представление об этнической специфике того или иного народа в экспрессивной и оценочной форме, дают возможность проследить ассоциативную взаимосвязь животного мира с человеческим. Как в пословицах, так и во фразеологизмах образные представления, как и понятия, выраженные в их лексических компонентах, «можно дифференцировать по роли в формировании пословичного плана содержания на ключевые (занимающие центральное место) и нейтральные (периферийные), по их специфичности в языковой картине мира на этно-национально-культурно маркированные и общие для разных лингвокультур (интернациональные или универсальные)» [9, с. 241]. Наибольший интерес с точки зрения понимания особенностей символического значения компонентов паремий представляют именно этно-национально-культурно маркированные устойчивые единицы.

Цель исследования – выявить символическое значение компонентов-зоонимов 马 (лошадь / конь) и 老虎 (тигр) в китайском и русском языках, проанализировав их фразеобразующий потенциал.

Актуальность исследуемой проблемы. Сопоставительное изучение языковой и культурной семантики позволяет не только выявить символическое значение животных, которым поклоняются в той или иной стране, но и определить их эмоционально-оценочный фон и этноспецифическое наполнение. Особое внимание в этом ключе должно

¹ Мы понимаем фразеологию в широком смысле, относя к ней различные классы устойчивых единиц: фразеологические единицы (идиомы, фразеологические сочетания, фразеологические выражения), паремии (пословицы, поговорки, загадки, приметы и пр.), устойчивые сравнения, крылатые единицы.

уделяться зооморфным образам и их интерпретации в связи с культурными реалиями, при этом их семантический анализ позволит «расширить осмысление системы взаимодействия человеческой цивилизации и природы, определить аксиологические ориентиры культуры, существовавшие на разных этапах ее развития, и углубить понимание особенностей функционирования языкового сознания» [7, с. 216].

К анализу образов *тигра* и *лошади* на примере китайского паремиологического материала обращались многие исследователи. Так, У. Н. Решетнева в диссертационной работе «Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок» [16], рассматривая компоненты-зоонимы в составе пословиц и поговорок, акцентирует внимание на этноспецифическом в паремиологическом фонде китайского фольклора и видит в них источник отражения исторической действительности. В задачу исследователя входит выявление предметно-образного состава китайских паремий, определение специфики использования в них художественных средств. Ф. Н. Дуалет в статье «Лингвокультурологические и семантические свойства фразеологических единиц с зооморфными компонентами (на материале китайского языка)» [7] обращается к концептуальному анализу китайских фразеологизмов, в том числе с зоонимом *лошадь*, и выявляет характеристики, заключенные в образе животного для выражения человеческих качеств. Хо Бинжун и Ян Хайюнь в статье «Культурные коннотации слова “тигр” в китайском лингвокультурном пространстве» [21] рассматривают образ *тигра* с целью выявления амбивалентной оценки компонента-зоонима. На основе китайского паремиологического фонда авторы исследования определяют характер человека, отыскивая в его внешности черты сходства с тигром. Таким образом, можно заключить, что сопоставительного анализа китайских и русских паремий с компонентами-зоонимами *тигр* и *лошадь* с целью выявления их символической этноспецифики не проводилось.

Актуальность настоящего исследования объясняется тем, что впервые предпринята попытка определить символическое значение компонентов-зоонимов, входящих в состав фразеологизмов и паремий китайского и русского языков, на основании лингвокультурологического анализа.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили китайские и русские паремии, извлеченные с помощью сплошной выборки из лексикографических источников («Китайско-русский фразеологический словарь» О. М. Готлиба, Хуаин Му [6], «Большой словарь русских народных сравнений» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [12], «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [18], «Фразеологический словарь русского языка» А. Н. Тихонова [17], «Фразеологический словарь русского литературного языка» под редакцией А. И. Федорова [19]) и паремиологических изданий («Китайские пословицы и поговорки», составитель Л. А. Введенская [10]). В ходе работы использовались дефиниционный анализ, дающий необходимую для дальнейшего изучения лингвокультурологическую информацию, семантический анализ, интерпретативный, описательный и сопоставительный методы. Источниковая база темы разнопланова и многообразна, что обеспечивает основу для проведения комплексного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследования китайского паремиологического материала позволяют заключить, что образы животных имеют особое значение для культуры страны. Это объясняется определенными историческими закономерностями: «<...> в Китае животные являлись важным источником пищи, объектом поклонения, орудием войны и играли жизненно важную роль в жизни и производстве» [1, с. 30]. Анализ китайских пословиц и поговорок позволил У. Н. Решетневой выявить, что «самыми популярными образами животных являются звери (домашние – 34,4 % и дикие – 23,8 %)» [16, с. 109].

Образ животного в китайской паремиологии достаточно прост, он отражает «его характерные внешние черты, повадки, особенности поведения», что «придает особую живость и экспрессивность» всему выражению и наполняет «его содержание дополнительными нюансами» [5, с. 26]. На основании конкретного образного наполнения, когда его сигнификативное значение достигает максимальной обобщенности, рождается символ, выражающий определенный абстрактный смысл, связанный с культурно-историческими и языковыми традициями.

Национально-культурную специфику китайского мировоззрения передают паремии с зоонимом *老虎* (букв. *тигр*), который занимает первое место по частотности использования в устойчивых выражениях [8, с. 112]. Тигр является символом защиты дома и его обитателей, покровителем брака и деторождения. Считаясь третьим из зверей китайского двенадцатилетнего лунно-солнечного календаря, это животное олицетворяет могущество и процветание, а значит, здоровье и саму жизнь. Его изображения, найденные археологами, свидетельствуют, что тигр, наравне с драконом, был тотемом для китайцев еще в древнем мире. Интерес к образу этого животного объясняется в первую очередь тем, что в Китае, как и других странах Азии, сосредоточен ареал его обитания. Тигр считался беспощадным и свирепым, о чем свидетельствует чэньюй (в китайском языке – устойчивый оборот, чаще всего состоящий из четырёх иероглифов – прим. У А.) – *谈虎色变* (букв. *Говоря о тигре, меняться в лице*) [6, с. 408]. Значение фразеологизма обусловлено таящейся в животном опасностью: страх перед ним заставляет трепетать при одном упоминании. Не сумев приручить тигра, китайцы стали ему поклоняться и почитать его, что просматривается в изображениях животного, на котором восседали маги и императоры. О приближенности тигра к символу власти говорит пословица *伴君如伴虎* – букв. *Быть возле императора – все равно, что спать с тигром* [10, с. 42]. Сравнение, положенное в основу паремии, подчеркивает сходство первого лица государства и царя зверей. С одной стороны, это почетно, но с другой – опасно, поскольку не знаешь, чего можно ожидать от такого соседства. На лбу животного «часто можно было видеть иероглиф “царь”, изображенный в письменности в виде трех полосок, как у тигра» [22, с. 284], на щитах он становился символом доблести и отличия.

В проанализированном китайском паремиологическом материале *тигр* чаще выступает символом силы и могущества, ассоциируется с опасностью и риском. Так, в чэньюйе *暴虎冯河* (букв. *Голыми руками ловить тигра, пересекать реки вброд*) [6, с. 32] говорится о безрассудной храбрости, поскольку справиться с сильным животным сложно, а выражение *狐假虎威* (букв. *Лиса пользуется могуществом тигра*) [6, с. 182] подчеркивает, что тигр олицетворяет могущественную поддержку, его авторитетом можно запугивать, опираясь на чужую силу. В следующей паремии *虎口逃生* (букв. *Спаستись из пасти тигра*) [6, с. 184], основанной на метафоре, прослеживается символика грозящей опасности: пасть животного олицетворяет сложную ситуацию, из которой удалось выйти живым, спастись от неминуемой гибели.

Символом силы зооним *老虎* (букв. *тигр*) выступает в чэньюйях *虎背熊腰* (букв. *Спина тигра, поясница медведя*) [6, с. 184] и *虎争龙斗* (букв. *Тигры борются, драконы сражаются*) [6, с. 184]. В первой фразеологической единице (далее – ФЕ) подчеркивается богатырское телосложение человека, а вторая обозначает жаркую схватку, бескомпромиссную борьбу, поскольку здесь соединяются два образа, выступавшие в истории Китая с древних времен символами императорской власти и могущества. При помощи компонента *крылья*, употребленного в чэньюйе *如虎添翼* (букв. *Словно тигру добавили крылья*) [6, с. 364], усиливается символическое значение мощи животного: силе придали еще одну силу, прибавили духа, смелости, чем окрылили и подарили надежду. О сильных соперниках

идет речь в паремии *两虎相斗* (букв. Два *тигра* дерутся между собой) [6, с. 262], а выражение *虎头蛇尾* (букв. Голова *тигра*, хвост змеи) [6, с. 184] подразумевает успешное начало дела, т. к. тигр – умное животное, и плохой конец с учетом приземленности образа змеи и конечной части ее тела.

Символом скрытого дара, нереализованного таланта зооним *老虎* (букв. *тигр*) выступает в паремии *卧虎藏龙* (букв. Спрятавшийся дракон, спящий *тигр*) [6, с. 54], поскольку используемые в конструкции характеристики животных (*спрятавшийся, спящий*) указывают на отсутствие динамики, свойственной норову этих почитаемых в Китае животных.

В русской культурной традиции образ *тигра* обусловлен влиянием восточной культуры, поэтому встречается нечасто, преимущественно в геральдике городов Дальнего Востока и литературных произведениях. Зооним *тигр* входит в состав устойчивых сравнений вместе с его просторечным вариантом (*тигра*) и наименованием самки (*тигрица*) [12, с. 682]. Приведенные в словаре примеры с компонентами *тигр / тигрица* являются эквивалентными. На наш взгляд, они не обладают высокой образностью, а основное символическое значение раскрывается за счет глагольных форм, входящих в устойчивое сравнение и ассоциирующихся с повадками и характеристиками тигра. Например, *вцепиться в горло как тигр* [12, с. 682], *кидаться как тигра* [12, с. 682], *сражаться (драться, бороться) как тигр* [12, с. 682], *драться как тигрица* [12, с. 682]. В этих сравнениях животное является символом храбрости, мужества, отваги. Однако многие из устойчивых оборотов с зоонимом *тигр* получают помету неодобрительно, что говорит о неприятии поведения, свойственного животному, русским сознанием: *перегрызться как тигры* [12, с. 682], *бросаться / броситься (набрасываться / наброситься) тигром (как тигр)* [12, с. 682], *злой как тигра* [12, с. 682], *ходить как тигра* [12, с. 682] и др.

Образная природа компонента *тигр*, входящего в состав русских устойчивых сравнений, неоднородна. Символом свободолюбия животное выступает в единице *метаться (ходить) [из угла в угол] как тигр в клетке (по клетке)* [12, с. 682], поскольку нахождение в замкнутом пространстве претит его натуре. Символическое значение зоркости просматривается в устойчивом сравнении *следить (наблюдать) как тигр* [12, с. 682], которое используется для характеристики человека, внимательно наблюдающего за кем-либо. *Тигр* как символ алчности определяется в устойчивом сравнении *глаза [завидущие] как у тигра* [12, с. 682]. Возможно, это вызвано повадкой животного отобрать лучший кусок добычи.

Зооним *马* (букв. лошадь / конь) занимает по частоте второе место после зоонима *老虎* (букв. *тигр*), что объясняется особой значимостью животного, прирученного более 5000 лет назад на северо-востоке Китая [8, с. 112]. Почтение ему оказывалось со времен правления династии Шан (около 1600–1100 до н. э.): лошадей хоронили вместе с хозяевами, а в период существования династии Западного Чжоу (1045 г. до н. э. – 771 г. до н. э.) мощь войска оценивалась числом этих животных, запряженных в колесницы. Это стало одной из предпосылок восприятия *лошади* в качестве символа власти, благополучия и чести, поскольку животное использовалось не только для перевозок, но и олицетворяло силу государства, являясь орудием завоеваний и способствуя победам. Стоит отметить, что символическое значение лошади для китайцев просматривается уже в графическом изображении самого иероглифа: «Логограмма “лошадь” 马 (mǎ) несет в себе много значений с позитивной коннотацией, среди которых скорость, сила, здоровье, свобода духа, настойчивость и талант» [11, с. 71]. Этот знак может выступать составной частью в сложных иероглифах, образующих семантическое поле «война».

Номинация представлена в устойчивых единицах китайского языка синонимичным рядом *马 лошадь, 跑马 скакун, 劣马 кляча, 骏马 рысак, 公马 жеребец.*

Как символ благополучия и успешности 马 (букв. лошадь / конь) выступает во многих паремиях. Например, 骑肥马, 衣轻裘 (Ездить на сытых конях, носить дорогие одежды) [6, с. 68], т. е. жить в роскоши; о благополучной жизни говорит выражение 肥马轻裘 (Сытая лошадь, легкая шуба) [6, с. 127]; стремительную карьеру и быстрое достижение поставленных целей обещает чэньюй 天马行空 (Вошебный конь фэйхуан вознесся и достиг) [6, с. 125] (飛黃 fēihuáng миф. Фэйхуан – чудесный конь с рогами на спине, живущий 1000 лет; также обр. в знач.: богатырь, храбрец [3]), а возможность выдвинуться благодаря чужим заслугам подчеркивает фразеологизм 马到成功 (Следуя за скакуном, получить имя) [6, с. 144]. Еще один символический смысл, связанный с образом лошади – это стремительность и желание двигаться вперед, развиваться. О людях, обладающих огромной энергией и желанием к постоянному развитию, чья жизнь очень активна, говорят, например, выражения 马不停蹄 (Конь не останавливает копыт) [6, с. 272–273] и 万马奔腾 (Десять тысяч коней несутся вскачь) [6, с. 434]. С образом коня в представлении китайцев ассоциируется стремительность, строптивость, неудержимое желание достигать цели и напористость, которая подчеркивается фразеологизмами 野马难驯 (букв. Дикого жеребца не укротить) [6, с. 216], 渴骥奔泉 (букв. Мучимый жаждой скакун несет к роднику) [6, с. 233]. Стоит отметить, что энергичность, связанная с образом лошади, никак не зависит от возраста. Адъектив 老 (букв. старый), встречающийся в чэньюях 老马恋栈 (букв. Старый конь любит свое стойло) [6, с. 251–252]; 老马识途 (букв. Старый конь знает дорогу) [6, с. 252]; 老骥伏枥 (букв. Старый рысак клонится к яслям) [6, с. 251], подчеркивает опытность человека, а заключенная в выражениях метафоричность говорит о желании продолжать дело, которое он хорошо знает, и стремлении к новым свершениям.

С другой стороны, лошадь в отобранном китайском паремиологическом материале выступает в качестве символа силы человека, находящегося на войне, и мощи государства в целом. Фразеологизмы с зоонимом 马 (букв. конь) отмечают стремление действовать в одиночку и обходиться своими силами, причем значимость коня приравнивается к ценности оружия (单枪匹马 – букв. Одна пика, один конь [6, с. 96]), подчеркивают готовность к боевым действиям, участие в которых возможно только при условии сытости лошади (洗兵牧马 – букв. Подготовить оружие, накормить коней [6, с. 259]), а грозный, сосредоточенный вид и уверенность в своих силах усиливается компонентом 骑, 蹀 (букв. гарцевать) в чэньюйе 盘马弯弓 (Гарцевать на лошади и натягивать лук [6, с. 311]). Образ торопящегося коня раскрывает поспешность приготовления к боевым действиям и занятость военными делами (戎马倥偬 – Боевой конь спешит, торопится [6, с. 362]), а метонимичный перенос с использованием числительного 一 (只) (букв. один) в сочетании с зоонимом 马 (букв. конь) и компонентом 轮子 (букв. колесо) рождает образ разбитой армии с плохим снаряжением (匹马只轮 – букв. Один конь да одно колесо [6, с. 318]). При этом образ лошади может являться символом окончания военных действий и возвращения к мирной жизни (归马放牛 – букв. Вернуть лошадей, освободить быков [6, с. 165]).

Значимость лошади в представлении китайцев подчеркивается и фразеологизмом 马革裹尸 – букв. Труп завернут в лошадиную шкуру [6, с. 273]: так говорят о воине, героически погибшем в бою. Однако пословица 马背上可得天下, 而不能治天下 (букв. На коне можно завоевать Поднебесную, но управлять ею с коня нельзя) [10, с. 7] предупреждает о том, что могущество коня не абсолютно, поскольку с его помощью можно лишь получить власть над Китаем, который олицетворяет компонент 普天之下 (букв. Поднебесная), но подчинить ее окончательно невозможно.

Преимущественно схожее символическое значение приобретает компонент-зооним *лошадь / конь*, включенный в состав русских ФЕ, что тоже объясняется национально-культурной спецификой: «В славянской культуре он занимает особо важное место, являясь одним из самых почитаемых в славянской традиции животных» [2, с. 218]. В русском сознании конь предстает сильным, быстрым и свободолюбивым животным. С одной стороны, человека восхищает его грация, а с другой – конь становится незаменимым помощником в хозяйстве, верным другом на полях сражений и быстрым средством передвижения [4, с. 115–116].

Чаще всего в сознании русского народа *лошадь* выступает символом работы и успеха. Так, фразеологизмы *рабочая лошадка*, *ломовая лошадь*, *конь не валялся* ([18, с. 205]) передают разную степень вовлеченности человека в процесс труда. Адъективы *рабочая* и *ломовая*, употребленные в первой и второй ФЕ, позволяют подчеркнуть усердность работы и ее сложность, поскольку речь идет об особой породе лошадей, отличающейся тяжеловесностью и большой силой и использующейся преимущественно для перевозки груза. Выражение *конь не валялся* ([18, с. 205]), наоборот, говорит о том, что к работе еще не приступали. Значение ФЕ обусловлено повадками животного, которое может валяться в пыли, луже или траве, чтобы избавиться от насекомых или освежиться, т. е. будучи не привлеченной к сельскохозяйственным работам.

В русской традиции *конь* часто выступает символом успеха, победы, что объясняется как грациозным и статным внешним видом животного, так и его участием в военных действиях. Об этом свидетельствуют упоминания в тексте Библии, где о лошади говорится по отношению к войне: «Их запрягли в боевые колесницы. <...> Благодаря своему крайне важному значению для исхода битвы конь стал символом военной силы и национальной безопасности» [15, с. 545].

Несмотря на то что в выражениях *быть на коне* ([17, с. 116]), *въехать на белом коне*, *сесть / садиться на своего любимого конька* ([17, с. 405]), *делать / сделать ход конем* ([19, с. 145]) компонент *конь* является зависимым по отношению к главному глагольному, именно его роль становится основополагающей на лексическом уровне и способствует правильному восприятию культурологической информации. Например, ФЕ *въехать на белом коне* имеет значение ‘завершить дело с триумфом’. Стоит отметить неслучайность употребления колоратива *белый* – белые лошади в природе встречаются реже лошадей других мастей, поэтому именно их выбирали полководцы-победители для торжественного въезда в город. *Белая лошадь* в русской традиции считается символом жизни и света, а в фольклоре животное наделялось магической силой, поскольку «белый (золотой) конь был атрибутом Господа Бога» в христианском вероучении [14, с. 591]. Положение по отношению к коню в антонимичных выражениях *быть на коне* ([17, с. 116]) и *быть под конем* ([19, с. 289]) указывает на выгодность / невыгодность положения, в котором находится человек, т. е. на ситуацию успеха / неуспеха. Происхождение фразеологизмов *сесть / садиться на своего любимого конька* ([18, с. 405]), *делать / сделать ход конем* ([19, с. 145]) не связано с военными действиями, но тоже говорят о ситуации успеха. Ироничное выражение *делать / сделать ход конем* пришло в русскую речь из игры в шахматы, оно имеет значение ‘использовать хитрый и эффективный прием для достижения какой-либо цели’ [19, с. 145], а шутовское выражение *сесть / садиться на своего любимого конька*, т. е. ‘начинать говорить, рассуждать, распространяться на излюбленную тему’ [18, с. 405], происходит от детского развлечения ездить верхом на палочке с лошадиной головой и предположительно является калькой французского выражения *c'est son dada* или английского оборота *it is his hobby horse* (‘это его любимая лошадка’).

Если *лошадь* выступает как отрицательный символ глупости и лживости, то в русских паремиях в качестве компонента-зоонима используются синонимы *мерин*, *кляча*, *кобыла*:

врет как сивый мерин ([17, с. 146]) и глуп как сивый мерин ([17, с. 146]), бред сивой кобылы, старая кляча. Частотно используемый колоратив *сивый* дает возможность понять, что лошади сизо-серой масти меньше ценились на Руси, поскольку считались старыми и не приносящими пользы: «Сивый = седой (холодный, ‘неплодородный’ свет, относящийся к старости). В древнерусском *сивъ*, сивый – темно-серый с сединою» [2, с. 221].

Выводы. Таким образом, зооморфный код в языке выступает одним из базовых для определения менталитета и языкового сознания народа. Компоненты-зоонимы, входящие в состав паремий, позволяют обнаружить символическое значение тех или иных животных, обладающих определенной значимостью в мировосприятии представителей различных народностей. Зооморфные и объективные характеристики, заключенные в языковых единицах, отражают свойства человеческого мышления и способствуют расширению представления о культуре народа в целом.

Образ *тигра* в китайских чэньюйях выступает в качестве символа силы и могущества и ассоциируется с опасностью и риском, реже встречается ассоциация с *тигром* как символом скрытого дара. В русских устойчивых сравнениях компонент-зооним *тигр* носит амбивалентный характер. С одной стороны, он выступает символом храбрости, мужества и свободолюбия, однако, с другой – приобретает отрицательную коннотацию и ассоциируется со злостью, яростью, алчностью.

На основании анализа китайского и русского паремиологического материала можно заключить, что представление о лошади в культурах двух народностей оказывается схожим. Конь выступает символом благополучия и успешности, однако если в китайских паремиях акцентируется внимание на возможности двигаться вперед и развиваться, то в русских устойчивых выражениях конь ассоциируется с уже достигнутым успехом. Кроме того, в русских фразеологизмах зооним *конь* выступает символом работы, что не отмечается в китайских чэньюйях. Объединяет восприятие животного в обеих культурах – символизация коня как окончания военных действий и одержания победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багана Ж., Михайлова Ю. С. Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 24(119), вып. 12. – С. 84–93.
2. Бекмурзаева Ф. Ш. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь / конь* в русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 22(1). – С. 216–223.
3. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/chi_rus/276790/%E9%A3%9B%E9%BB%83 (дата обращения: 23.08.2024).
4. Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
5. Вастьянова О. А. Лингвокультурологические особенности английских, китайских и русских пословиц и поговорок с лексемами, описывающими животных // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 23–26.
6. Готлиб О. М., Хуань Му. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
7. Даулет Ф. Н. Лингвокультурологические и семантические свойства фразеологических единиц с зооморфными компонентами (на материале китайского языка) [Электронный ресурс] // Litera. – 2019. – № 6. – URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31168 (дата обращения: 02.09.2024).
8. Иванничева О. Н., Мэнцзе Лян. Мир животных сквозь призму народной мудрости: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне / лошади / олене // Человек. Культура. Образование. – 2021. – № 3(41). – С. 106–123.
9. Иванов Е. И., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 3. – С. 232–248.
10. Китайские пословицы, поговорки / сост. Л. А. Введенская. – Ростов-на-Дону : Ростовское книжное издательство, 1959. – 119 с.

11. *Ладыгина А. А., Адилханян Н. Л.* Анализ социокультурной символики лошади в Китае // *Современные наука и образование: достижения и перспективы развития : Материалы национальной научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 2.* – Керчь : Керченский государственный морской технологический университет, 2021. – С. 70–75.
12. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
13. *Моррис Ч.* Основания теории знаков // *Семиотика.* – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.
14. *Петрухин В. Я.* Конь // *Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / Институт славяноведения РАН; Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2 : Д (Давать) – Я (Ящерица).* – М. : Международные отношения, 2014. – С. 590–594.
15. *Райкен Л., Уилхойт Дж., Лонгман Т.* Словарь библейских образов / пер. Б. А. Скороходов, О. А. Рыбакова. – СПб. : Библия для всех, 2005.
16. *Решетнева У. Н.* Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09. – Омск, 2006. – 202 с.
17. *Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова.* – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – 336 с.
18. *Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова.* – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.
19. *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А. И. Федорова.* – М. : Топиал, 1995. – 608 с.
20. *Харитоновна Е. Ю.* Трактовка понятия «символ» в лингвистике [Электронный ресурс] // *Электронный журнал «Вестник МГОУ».* – 2014. – № 1. – С. 1–8. – URL : www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 02.09.2024).
21. *Хо Б., Ян Х.* Культурные коннотации слова «тигр» в китайском лингвокультурном пространстве // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* – 2022. – № 8-2(71). – С. 85–89.
22. *Шереметьева Н. В.* Образ тигра в культуре Китая // *Современная научная мысль.* – 2022. – № 4. – С. 283–287.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024

REFERENCES

1. *Bagana Zh., Mihajlova Yu. S.* Faunonimicheskaya leksika v sisteme yazyka i ee nacional'no-kul'turnaya specifika (na materiale leksicheskikh edinic «loshad'», «kon'», «svin'ya» v russkom, anglijskom i nemeckom yazykah) // *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki.* – 2011. – № 24(119), vyp. 12. – S. 84–93.
2. *Bekmurzaeva F. Sh.* Mifosimvolicheskaya sostavlyayushchaya animalisticheskogo koncepta loshad' / kon' v russkoj yazykovoj kartine mira // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2020. – № 22(1). – S. 216–223.
3. *Bol'shoy kitajsko-russkij slovar' [Elektronnyj resurs].* – URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/chi_rus/276790/%E9%A3%9B%E9%BB%83 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
4. *Brileva I. S., Vol'skaya N. P., Gudkov D. B.* Russkoe kul'turnoe prostranstvo : lingvokul'turologicheskij slovar'. – М. : Gnozis, 2004. – 318 s.
5. *Vast'yanova O. A.* Lingvokul'turologicheskie osobennosti anglijskih, kitajskih i russkih poslovic i pogovorok s leksemami, opisyyvayushchimi zhivotnyh // *Trudy molodyh uchenyh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2014. – № 11. – S. 23–26.
6. *Gotlib O. M., Huain Mu.* Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Okolo 3500 vyrazhenij. – 2-e izd., stereotip. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2019. – 596 s.
7. *Daulet F. N.* Lingvokul'turologicheskie i semanticheskie svojstva frazeologicheskikh edinic s zoomorfnyimi komponentami (na materiale kitajskogo yazyka) [Elektronnyj resurs] // *Litera.* – 2019. – № 6. – URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31168 (data obrashcheniya: 02.09.2024).
8. *Ivanishcheva O. N., Mencze Lyan.* Mir zhivotnyh skvoz' prizmu narodnoj mudrosti: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне / лошади / олене // *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie.* – 2021. – № 3(41). – S. 106–123.
9. *Ivanov E. I., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu.* Semanticheskij analiz tuvinskih poslovic: modeli, obrazy, ponyatiya (na evropejskom paremiologicheskom fone) // *Novye issledovaniya Tuvy.* – 2021. – № 3. – S. 232–248.
10. *Kitajskie poslovice, pogovorki / sost. L. A. Vvedenskaya.* – Rostov-na-Donu : Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 119 s.
11. *Ladygina A. A., Adilhanyan N. L.* Analiz sociokul'turnoj simboliki loshadi v Kitae // *Sovremennye nauka i obrazovanie: dostizheniya i perspektivy razvitiya : Materialy nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2-h ch. Ch. 2.* – Kerch' : Kerchenskij gosudarstvennyj morskoy tekhnologicheskij universitet, 2021. – S. 70–75.

12. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkikh narodnyh sravnenij. – M. : ZAO «OLMA Media Grupp», 2008. – 800 s.
13. Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov // Semiotika. – M. : Raduga, 1983. – S. 37–89.
14. Petruhin V. Ya. Kon' // Slavyanskije drevnosti : Etnolingvisticheskiy slovar' : V 5 t. / Institut slavyanovedeniya RAN; Pod obshej red. N. I. Tolstogo. T. 2 : D (Davat') – Ya (Yashcherica). – M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. – S. 590–594.
15. Rajken L., Uilhojt Dzh., Longman T. Slovar' biblejskih obrazov / per. B. A. Skorohodov, O. A. Rybakova. – SPb. : Bibliya dlya vsekh, 2005.
16. Reshetneva U. N. Etnopoetika kitajskih poslovic i pogovorok : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.09. – Omsk, 2006. – 202 s.
17. Frazеologicheskiy slovar' russkogo yazyka / sost. A. N. Tihonov (ruk. avt. kol.), A. G. Lomov, L. A. Lomova. – M. : Rus. yaz. – Media, 2003. – 336 s.
18. Frazеologicheskiy slovar' russkogo yazyka / L. A. Vojnova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov, A. I. Fedorov; Pod red. A. I. Molotkova. – 4-e izd., stereotip. – M. : Rus. yaz., 1987. – 543 s.
19. Frazеologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII–XX vv. / pod red. A. I. Fedorova. – M. : Topikal, 1995. – 608 s.
20. Haritonova E. Yu. Traktovka ponyatiya «simvol» v lingvistike [Elektronnyj resurs] // Elektronnyj zhurnal «Vestnik MGOU». – 2014. – № 1. – S. 1–8. – URL : www.evestnik-mgou.ru (data obrashcheniya: 02.09.2024).
21. Ho B., Yan H. Kul'turnye konnotacii slova «tigr» v kitajskom lingvokul'turnom prostranstve // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2022. – № 8-2(71). – S. 85–89.
22. Sheremet'eva N. V. Obraz tigra v kul'ture Kitaya // Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2022. – № 4. – S. 283–287.

The article was contributed on September 12, 2024

Сведения об авторе

У Айхуэй – аспирант филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0008-8769-2316>, wuaihui123@gmail.com

Author Information

Wu, Aihui – Post-graduate Student of the Faculty of Philology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0008-8769-2316>, wuaihui123@gmail.com